

Смирнова Валерия Андреевна

ТОМАС МАНН И ДЖЕЙМС ДЖОЙС: ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Исследование освещает использование мифологических мотивов в произведениях двух выдающихся авторов XX века: Т. Манна и Дж. Джойса, чей интерес к мифологии контекстуализирован в европейской литературной и культурной традиции. Автор проводит параллели между способами использования мифологического метода в "Улиссе" Дж. Джойса, "Будденброках" и "Смерти в Венеции" Т. Манна, уделяя особое внимание роли иронии в мифологической репрезентации реальности в литературе XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 164-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THANATOLOGICAL METAPHOR REALIZATION IN STORY "YORICK" BY T. N. TOLSTAYA

Oksana Vasil'evna Sizykh, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Russian and Foreign Literature
North-Eastern Federal University
777ruslit@mail.ru

The author considers the ironic specificity and techniques of the realization of the key metaphor of death in the story "Yorick" by T. N. Tolstaya. Literary allusion, folklore and mythological analogies at the level of image system are the leading techniques of the metaphor "Yorick" realization, which forms the model of the modern world. The semantic inconsistency of the thanatological metaphor of the story is associated with the author's comprehension of death as a phenomenal event.

Key words and phrases: modern literature; postmodernism; T. N. Tolstaya; thanatological metaphor; allusion; folklore and mythological analogies; planetary myth; ironic narration; comic effect.

УДК 821.112.2

Филологические науки

Исследование освещает использование мифологических мотивов в произведениях двух выдающихся авторов XX века: Т. Манна и Дж. Джойса, чей интерес к мифологии контекстуализирован в европейской литературной и культурной традиции. Автор проводит параллели между способами использования мифологического метода в «Улиссе» Дж. Джойса, «Будденброках» и «Смерти в Венеции» Т. Манна, уделяя особое внимание роли иронии в мифологической репрезентации реальности в литературе XX века.

Ключевые слова и фразы: Т. Манн; Дж. Джойс; миф; мономиф; ирония.

Валерия Андреевна Смирнова

Кафедра зарубежной литературы

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

lerchen@daad-alumni.de

ТОМАС МАНН И ДЖЕЙМС ДЖОЙС: ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ[©]

На протяжении всей творческой деятельности великий немецкий автор XX века Томас Манн обращался к мифу. Многие его произведения пронизаны мифологической тематикой, аллюзиями не только на библейские, но и на античные мифы. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в тетралогии «Иосиф и его братья» (1933-1943 гг.). М. Кургиян, комментируя использование мифологических мотивов у Т. Манна и контекстуализируя Манна в мифологической традиции литературы XX века, пишет: «...область мифа, широко используемая для утверждения идеологии фашизма и походов против реализма, служит здесь защите принципов гуманизма и поискам новых путей в реализме» [2, с. 220].

Тетралогия «Иосиф и его братья» представляет собой кульминацию мифологической составляющей в творчестве Т. Манна. В нашем исследовании мы обратим внимание также на использование мифа в ранних произведениях немецкого автора (роман «Будденброки» (1901 г.), новеллы «Род Вельсунгов» (1905 г.) и «Смерть в Венеции» (1912 г.)), где он только начинает разрабатывать мифологическую поэтику. Мы предпримем попытку выявить существенные аспекты в поэтике мифологизирования Т. Манна. Также мы попытаемся сравнить названные тексты с некоторыми произведениями ирландского автора XX века Джеймса Джойса, обнаружить сходство в реализации мифологических образов и сюжетов и выявить мотивы, побудившие двух авторов обратиться к мифологии.

И Джойс, и Манн – представители модернистского направления в литературе. Оба опубликовали свои основные романы в 1920-х, любили музыку и мифологию, находились в добровольной ссылке из родных стран, имели особое отношение к религии. В их творчестве очевидно влияние вагнеровских принципов: Томас Манн и Джеймс Джойс широко использовали музыкальную технику лейтмотивов и контрапунктов в своих произведениях. Среди имен исследователей, занимавшихся выявлением параллелей в творчестве немецкого и ирландского авторов, можно назвать следующие: *J. Kempbell* («The Hero with a Thousand Faces», 1949 г.), *Е. Мелетинский* (глава «Антитеза: Джойс и Томас Манн» в «Поэтике мифа», 1976 г.), *М. Palencia-Roth* («Th. Mann's Non-Relationship to James Joyce», 1976 г.), *И. Гарин* (глава в книге «Век Джойса», 2002 г.).

Попытка выявления общих черт в произведениях этих авторов не случайна, поскольку между творчеством Манна и Джойса существует множество точек соприкосновения. Параллели между их текстами очевидны, но объяснить это влиянием Джойса на немецкого автора довольно сложно. Сам Т. Манн не единожды указывал на свою увлеченность произведениями Джойса (в основном в переписке), но, тем не менее, подтверждений и доказательств этому практически нет. Данному вопросу посвящено исследование *М. Паленсии-Рот*

[©] Смирнова В. А., 2012

«Th. Mann`s Non-Relationship to James Joyce», где автор указывает на то, что «во многом так называемое “отношение” Манна к Джойсу, казалось бы, является изобретением критиков, но Манн сам спровоцировал такой неоднозначный подход» [10, р. 581].

Тема мифологизма - общая для Манна и Джойса. Многокомпонентность текста, присутствие в нем разных пластов действительности – всё это текст XX века взял у мифа. Миф – это нечто большее, чем заученный материал, передаваемый из поколения в поколение. Можно говорить о том, что в своем истинном значении миф являет собой возобновление античного религиозного опыта. В XX веке произошло переосмысление функциональности мифа. «Миф перестал быть... условным одеянием современности. Как и многое другое, под пером писателей XX в. миф обрел исторические черты, был воспринят в своей самостоятельности и отдельности – как порождение далекой давности, освещающей повторяющиеся закономерности в общей жизни человечества» [1, с. 185]. Любое событие может быть написано в миф, т.к. «миф есть рассказ, в который умещаются человеком любые конкретные события; тогда они понятны и не представляют собой проблемы» [3]. Вероятно, именно это так привлекает авторов, обращающихся к мифологии – возможность использовать мифологические сюжеты, дополняя их любыми действиями и ситуациями, не боясь при этом быть непонятыми. Миф обладает некой силой, способной трансформировать действительность в мир, где можно встретить богов. Всё, что может случиться в мифе, имеет свой метафорический смысл, помогающий нам лучше понять различные предметы и явления. «Миф ритуально близок человеку, потому что в ритуале он общается с незнакомыми, далекими и таинственными существами как с близкими и родными...» [Там же].

Можно говорить о том, что обращение к мифу неким образом раздвигает временные границы произведения. Достаточно взглянуть на заглавия двух романов - «Волшебная гора» (1924 г.) Т. Манна и «Улисс» (1918-1920 гг.) Дж. Джойса, - чтобы почувствовать предвосхищение использования всего масштаба временных ресурсов, предоставленных в распоряжение мифом. В названии романа Т. Манна содержатся аллюзии на миф о певце Тангейзере, который провел семь лет на волшебной горе богини Венеры. Название романа Джойса отсылает нас к мифу об Одиссее, который провел в странствиях 10 лет. Заголовки эпизодов «Улисса» являются реминисценциями гомеровской «Одиссеи».

Обращение к мифологии представляет собой огромную пользу в силу амбивалентности мифологических лейтмотивов и аллюзий: с одной стороны, это - классическая традиция и основы гуманитарного образования, с другой – соответствие актуальным веяниям. Принято считать, что первые попытки использования Томасом Манном мифологической составляющей можно увидеть в новелле «Смерть в Венеции» (1912 г.), где представлен текст Платона «Федр». Однако некоторые исследователи обнаруживают первые признаки мифологизма уже в его первом романе «Будденброки» (1901 г.). Роман показывает успех и падение семьи и фирмы Будденброков, представителей буржуазной аристократии. Изображены четыре поколения, но основное внимание автора сфокусировано на представителях третьего: Томасе, его братьях, сестрах и сыне Ганно. На Томасе – ответственность за фирму, больше собственных интересов он чтит интересы семьи. Томас открыт искусству и философии, но осознает, что в его жизни не достает чего-то важного. Уже на этом уровне, до проведения параллелей в контексте мифологических аллюзий, протагониста романа «Будденброки» можно сравнить с Габриэлем Конроем из повести Джеймса Джойса «Мертвые» (1907 г.) - такого же успешного и гордого, но осознающего внезапно, что он мало понимает в своей жизни. Томас Будденброк не знает, что делать с этим ощущением. В трудные времена фирма распадается, отчасти от того, что он понимает – это не его стихия. Сила семьи заканчивается со смертью Томаса.

Используя в романе аллюзии на классическую и германскую мифологию, Т. Манн развивает одну из своих центральных тем – критика социума. В романе Манн не раз косвенно обращается к «Эффи Брист» Фонтане – тексту, в котором наглядно представлен конфликт между религией и мифологией. Главная героиня романа – Эффи - отдаёт предпочтение мифологии в ущерб религии, что в ее глазах и глазах современников является показателем отсутствия в ней морального стержня. Интерес к мифологии Ганно – последнего представителя поколения семьи Будденброков, его увлеченность мифологической поэтикой и эстетикой, которые помогают ему понять, насколько слаба его собственная витальность, делают его (Ганно) «тайным преемником Эффи Брист» [11, р. 131]. Исследователь Р. Шепард называет роман «Будденброки» «комбинацией реализма и мифологии» [Ibidem], подчеркивая, что Томас Манн искусно располагает роман на грани между реалистическим романом XIX века и «мифическим романом» модернизма XX столетия.

Манн и Джойс помещали героев своих произведений в мифологическую среду, либо представляли их мифическими персонажами, пытаясь таким образом сделать образы четче, яснее. Философ Мераб Мамардашвили, проводя параллели между мифологическим существом (богом) и человеком, выделяет лишь одну существенную черту - мифологическое существо способно на то, на что человек не способен. «Мифологические существа живут в каком-то особом пространстве. Они соединяют в себе то, что в человеке не может быть соединено. Например, *жизнь и смерть* (курсив наши). Для человека, когда есть жизнь, нет смерти, а когда наступает смерть, нет жизни. А в мифических существах это связано» [3]. Для Томаса Манна противопоставлением «жизнь/смерть» являлась одной из ключевых. Ее составляющие представлены в различных персонажах (напр., Ганс Гансен - Тонио Крегер (новелла «Тонио Крегер»); Шпинель – Габриела Клотерьян (новелла «Тристан»)), среди героев произведений Манна можно видеть как носителей сильной витальности, так и обладателей слабой духовной и физической силы.

Говоря об особенностях мифологических персонажей, можно отметить: «миф – это тщательно разработанная система нейтрализации оппозиции “культура – природа”. Мифические существа – мифичны, то есть реально их нет. Но в них нет названной оппозиции, поскольку они и природны, и культурны одновременно,

сверхъестественны» [Там же]. В данном контексте нельзя не вспомнить пару Зигмунда и Зиглинды – главных героев новеллы Т. Манна «Кровь Вельсунгов» («Wälsungenblut», 1905 г.), которые представляют собой сверхъестественных персонажей, соединяющих в себе и необычную природу (еврейское происхождение), и своеобразную культуру (ощущение некой избранности). Следует отметить, что печатью еврейства для Манна люди были отмечены не по национальному, но по духовному признаку. В глазах Томаса Манна женщины и евреи имели следующие общие черты: «во-первых то, что он называет “пафос исключительности в сердце”, во-вторых, отмеченность печатью, маргинальность, принуждение к ассимиляции, и, в третьих, отсюда следующая необходимость агрессивного и творческого самоутверждения» [7]. В новелле «Кровь Вельсунгов» миф помогает неким образом уравновесить и примирить эти характеристики, вписать их в общий контекст повествования. «Миф... есть способ внесения и удержания во времени порядка того, что без мифа было бы хаосом» [3]. И. Эбаноидзе называет новеллу «Кровь Вельсунгов» «прелюдией» к «Смерти в Венеции» - тексту, являющему собой некий рубеж в творчестве немецкого писателя. По мнению Эбаноидзе, именно в новелле «Wälsungenblut» Томас Манн проводит свой «первый опыт по “оживлению мифа”» [5, с. 285], поскольку в этом тексте протагонист (Зигмунд), являющийся собой тип человека-избранника, находит свое «внутреннее право на кровосмесительную связь в “мифической идентификации” с героем “Валькирии”» [Там же].

Говоря о мифологизме Дж. Джойса, мы прежде всего обращаемся к его роману «Улисс», который наполнен различными мифическими аллюзиями. Т. С. Элиот писал, что в «Улиссе» Джойс постоянно проводит параллель между современностью и античностью, используя метод, которым следует воспользоваться и другим авторам: «некий способ контроля, упорядочивания, придания формы и значения обширной панораме пустоты и анархии, которой является современная история» [6, р. 22]. И далее: «вместо повествовательного метода мы можем теперь использовать мифический метод» [Ibidem].

Исследователь Рихард Шеппард указывает на важнейшее различие между романами «Будденброки» и «Улисс»: Джойс, располагая главы Улисса в определенном порядке и соотнося их определенным образом с мифологическими сюжетами «Одиссеи» Гомера, призывает нас увидеть расстояние, отделяющее современный мир от мира Гомера. Протагонист Джойса «не осознает иронические связи, которые проводит роман между его собственными странствиями и странствиями Улисса» [11, р. 132]. В «Будденброках», напротив, классическая и германская мифология часто представлена в размышлениях самих персонажей, являясь иногда признаком «сговора автора с читателем» [Ibidem]. В «Улиссе» миф изначально поддерживает макроструктуру романа, в «Будденброках» он равноценен как для микро-, так и для макроструктуры произведения.

Можно говорить о том, что Томас Манн применил «мифический» метод в новелле «Смерть в Венеции» (1912 г.), используя в ней концепт аполлонической - дионисийской мифологии, разработанный Ф. Ницше в его «Рождении трагедии из духа музыки» (1872 г.). Джозеф Кемпбелл в обстоятельной работе «Герой с тысячей лиц» («The Hero with a Thousand Faces») приходит к выводу о том, что мифологические герои имеют некую общую схему получения жизненного опыта. Кемпбелл называет эту схему «мономиф» («monomyth»). Схема, представляющая собой приключения героя, делится на 3 фазы: отъезд/уход, инициацию и возвращение. Герой новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции» – Гюстав Ашенбах – отправляется в свою «одиссею», но не возвращается. Подобным образом переосмысливается и возвращение домой джойсовского Одиссея – Блума, его встреча с «Пенелопой» и «Телемаком». В этом заключается разница между старыми мифами, в которых обычно происходит единение с божеством, и трагедией, которая представлена в новелле «Смерть в Венеции». Ашенбах стремится найти свою «культурную родину», которой является для него Венеция. Подобно Одиссею, главный герой новеллы надеется увидеть родную землю. В отличие от Одиссея, Ашенбах умирает. Так и Блум в «Улиссе» Джойса не находит того, что искал.

Говоря о жизни Ашенбаха в Венеции, автор использует множество аллюзий на античные мифы. При описании Тадзио (мальчика, в которого влюбляется Ашенбах) на ум читателю, знакомому с мифологией, приходят ассоциации с мифами о Зефире и Аполлоне, Гиацинте и Нарциссе. Подобно разгневанному Аполлону, мстящему за пренебрежительное к себе отношение, Томас Манн «насылает» холеру на Венецию как страшное наказание за отказ от моральных ценностей, забытых людьми, представителем которых в данном контексте становится Ашенбах. Приключения Ашенбаха происходят в мире, которому он не принадлежит.

Т. Манн использует мифическую схему со своей знаменитой иронией. Ирония в мифологическом романе XX века выражает «неограниченную свободу современного художника по отношению к традиционной системе символов, давно потерявшей свою обязательность, но сохранившей свою привлекательность как средство метафоризации тех элементов современного сознания, которые принимаются писателем в качестве вечных и универсальных» [4]. Так и Джойс проводит параллели с гомеровским эпосом, используя пародию и травестию. Но «Улисс» не сводится к пародии. Более того, ирония здесь – необходимая «цена» за обращение к эпосу и мифу. «Джойс... стремится создать эпос современной жизни, но акцент у него падает не на “современную” жизнь, а на выявление определенным образом понимаемых им общечеловеческих начал» [Там же].

В своей работе «Антигиза: Джойс и Томас Манн» Мелетинский называет двух авторов «пионерами в области поэтики мифологизирования». Анализируя различия в поэтике Джойса и Манна, автор указывает на основное: «Джойсовскому бегству от истории в миф противостоят попытки Т. Манна уравновесить, примирить миф и историю, выявить роль мифа в организации исторического опыта, стремление остаться верным традициям и вместе с тем проложить путь в будущее» [Там же]. Таким образом, можно говорить о том, что мифологическая поэтика Томаса Манна более исторична, в своих произведениях немецкий автор использует объективный исторический план, в то время как Джойс все более уходит от реального изображения действительности, используя различные мифологические составляющие в своих текстах.

Список литературы

1. Андреев Л. Г., Карельский А. В., Павлова Н. С. Зарубежная литература XX века: учеб. для вузов / под ред. Л. Г. Андреева. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высш. шк.; Изд. центр «Академия», 2000. 559 с.
2. Кургинян М. Романы Томаса Манна (формы и метод). М.: Худож. лит-ра, 1975. 335 с.
3. Мамардашвили М. К. Появление философии на фоне мифа [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/MaM/02.php
4. Мелетинский Е. Антитеза – Джойс и Томас Манн [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269035710
5. Эбаноидзе И. О новелле «Кровь Вельсунгов» // Ясная поляна. 1997. № 2. С. 283-286.
6. Bloom's Major Short Story Writers: Th. Mann / ed. and with an introduction by Harold Bloom. Chelsea House Publishers, 2003. 116 p.
7. Hamacher B. Alte Texte, neue Fragen, unterschiedliche Antworten [Электронный ресурс]. URL: http://www.iaslonline.de/index.php?vorgang_id=974
8. Kempbell J. The Hero with a Thousand Faces // Kempbell J. Bollingen Series XVII. Princeton University Press, 2004. 383 p.
9. Lehnert H. Thomas Mann's Early Interest in Myth and Erwin Rohde's Psyche // Publications of Modern Language Association. 1964. Vol. 79. № 3. P. 297-304.
10. Palencia-Roth M. Th. Mann's Non-Relationship to James Joyce // Modern Language Notes. 1976. Vol. 91. №. 3. German Issue. P. 575-582.
11. The Cambridge Companion to Thomas Mann / ed. by Ritchie Robertson. Cambridge University Press, 2002. 253 p.

THOMAS MANN AND JAMES JOYCE: FEATURES OF MYTHOLOGICAL POETICS

Valeriya Andreevna Smirnova

Department of Foreign Literature

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen

lerchen@daad-alumni.de

The author covers mythological motives use in the works of two outstanding writers of the XXth century: Th. Mann and J. Joyce, whose interest to mythology is contextualized in the European literary and cultural tradition, draws parallels between the ways of mythological method use in "Ulysses" by J. Joyce, "Buddenbrooks" and "Death in Venice" by Th. Mann, and pays special attention to the role of irony in the mythological representation of reality in the literature of the XXth century.

Key words and phrases: Th. Mann; J. Joyce; myth; monomyth; irony.

УДК 81/157

Филологические науки

В работе рассмотрена проблема сохранения норм языка при установлении русско-якутских переводческих соответствий значений и форм категории множественности имени существительного. Проведен контрастный анализ, позволивший выявить закономерности семантико-структурных соответствий и расхождений выражения указанной категории в русском и якутском языках, принадлежащих к разным типам языков, систематизированы варианты и случаи перевода, которые встречаются в настоящее время в письменной переводной литературе. Особое внимание уделяется случаям нарушения норм якутского языка при переводе представленных групп.

Ключевые слова и фразы: переводческие соответствия; категория множественности; норма языка; сохранение; русско-якутский перевод; собирательное значение; чрезмерное употребление.

Ирина Владимировна Собакина, к. филол. н.

Кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ivs1977@mail.ru

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НОРМ ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ЯКУТСКИХ СООТВЕТСТВИЙ КАТЕГОРИИ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО)[©]**

В современном мире со стремительным развитием информатики и новых технологий все больше возрастает роль языковой коммуникации, в том числе и языкового перевода. Переводческая деятельность в настоящее время приобретает все большие масштабы и все большую социальную значимость. Двуязычный перевод успешно функционирует при наличии прочной лингвистической основы. В связи с этим из года в год растет количество теоретических работ, посвященных исследованию многочисленных аспектов переводческой деятельности в разных странах и языках.